

(Окончание.
Начало читайте в №717)

Совместный проект газеты «Новый Меридиан» и литературно-художественного журнала «Листья»

<http://leaves.yurius.net>

Цель проекта «НАШИ ЛЮДИ В АМЕРИКЕ» – рассказ о людях, приехавших в США из стран бывшего Советского Союза, о их проблемах, успехах, о том, чем живут русские американцы в США.

WELCOME ABOARD, ИЛИ ВХОД НИКОМУ НЕ ВОСПРЕЩЕН!

Михаил Антоновский, Главный редактор журнала «Листья»,

Лауреат Национальной Литературной Премии России 2006 года в номинации интервью, обладатель Серебряного Пера Руси 2006 года.

М.А.: Люда, расскажи, как твой театр помогает детям осваивать русский язык, ведь что ни говори, мы все живем в англоязычной среде.

Люда: Далеко ходить не надо. Возьмем Настю, мою дочь. Русская речь для неё была очень схематичной, чужой. Она знала большой набор слов, но не могла говорить правильно. Она говорила: «Пошли дом», вместо «Пошли домой», «дом ничего нет», вместо «дома ничего нет». Русский язык был для нее мертвым языком. Она, например, никак не могла понять фразу «Кто там стучится у ворот?». То говорила: «Кто там стучится за ворот?», то «Кто там стучится на ворот?». Предлоги, окончания, спряжения..., она путалась в них без конца. И только через текст «Кошкиного Дома» русский язык вошел в нее, она стала слышать, обыгрывать его. Сейчас мы поставили «Снежную Королеву», так она вообще все роли выучила наизусть. И все это театр. Меня многие родители просили сыграть «Кошкин Дом» на английском языке.

М.А.: А разве есть перевод?

Люда: Да, есть, и очень хороший, я в интернете его нашла. Но я не гонюся за рекламой, за сборами, боже упаси, я хочу, чтобы театр оставался в рамках русского языка, русской культуры, был наполнен языком, образами моего детства, детства родителей, приводящих детей ко мне в театр. У нас в театре много детей, у которых папа американец, и наш театр для них это единственный островок русской речи. Занятия у нас длятся три часа с 11 до 2 дня, и все это время мы говорим только на русском. И еще, у нас есть замечательная традиция, которая является частью нашей театральной жизни – это ланч, когда дети 15-20 минут сидят за одним столом и едят одну пиццу, приготовленную «дежурной» мамой.

М.А.: То есть, не так как в Американской школе, где каждый ест из своего ланч-бокса?

Люда: Да. Я специально ввела эту традицию, чтобы дети общались между собой, чтобы между ними возникала дружба. Когда каждый ест из своего ланч-бокса дружба как-то плохо завязывается. Во время ланча все дети говорят на русском языке: чтобы они не сблизись на английский, я всегда прошу каждого рассказать, что у него нового произошло за неделю... и еще, у нас есть традиция отмечать дни рождения. Если у кого-то день рождения падает на неделю, когда у нас занятие, мы обязательно поздравляем его, дети дарят имениннику подарки, произносят тосты в его честь. Так, Миша, мы создаем у наших детей общее детство. Я уверена, что когда они вырастут, разъедутся, приезжая в Хьюстон, они будут приходить к нам в театр.

М.А.: Люда, твои дети живут так, как мы жили в России, у них большой круг реального общения, и это очень хорошо, потому что, общаясь с людьми, дети учатся понимать и себя, и других. В возможность виртуального (через интернет) общения для детей возраста 7-10 лет, я слабо верю. Во-первых, чтобы общаться через интернет, нужно уметь «письменно думать», чего у ребенка 10 лет просто быть не может, его мышление слишком предметное, чтобы он мог формулировать свои мысли и выражать свои чувства в абстрактной (письменной) форме. Говоря образно, виртуаль-

«НАШИ ЛЮДИ В АМЕРИКЕ»

ный мир не пахнет.

Люда: Интернет не может заменить друзей, подруг, бабушек, дедушек. И потом, мне кажется, что дети настолько входят в виртуальный мир, что мир реальный перестает играть в их жизни ту роль, которую должен играть. Любовь по интернету, это не вид любви, это суррогат любви.

М.А.: Я лично не против интернетовских знакомств, знаю многих людей нашедших таким образом свою любовь. Но мы отвлеклись. Люда, сколько раз играется у вас один и тот же спектакль?

Люда: Обычно сказка играется два-три раза. Обязательно после последнего представления у нас банкет, на который приходят дети со своими родителями. Герман Генин, наш кинооператор, готовит слайд шоу и фильм, в котором заснят не только сам спектакль, но и интересные моменты репетиций, «очепятки». Материалом для него служат фотографии и фрагменты видео, которые делают родители и друзья театра во время репетиций и самого спектакля. Слайд шоу у нас сопровождается музыкой, поэтому оно получается очень хорошего качества, всем нравится. Лет через 10-15, мои маленькие артисты посмотрят диски, вспомнят свое детство, глядишь и сами организуют свой театр.

М.А.: Я думаю, что они скорее приведут своих детей к тебе в театр.

Люда: А что, я стареть абсолютно не собираюсь! Дети дают такой стимул к жизни, к молодости, знают говорят: «С кем поведешься, от того и наберешься».

М.А.: Я тебе расскажу интересную историю. Есть такой великий ученый Мюррей Гелман, его считают Эйнштейном нашего времени, он вместе со Стивом Вайнбергом получил Нобелевскую премию по физике. Мюррей Гелман довольно часто приезжал в Остинский Университет и читал одну-две лекции для студентов и профессоров. Так вот, однажды, я набрался наглости и пошел к нему знакомиться. Взял свою статью по образованию и постучал в его кабинет. Дня через два, он зашел ко мне, чем поразил, наверное, всех на нашем этаже, и предложил пойти к нему и поговорить.

Люда: Почему, Миша?

М.А.: Ну представь себе: кто я? Физик-программист – простой научник, и вдруг, захотит ко мне Эйнштейн и говорит: «Привет! Хочу с тобой поговорить. Давай, зайдем ко мне в кабинет», а двери во всех комнатах открыты, традиция такая в университете. И мы с ним на глазах всех наших светил в физике плазмы идем по коридору в его кабинет. У меня потом многие спрашивали: «Майкл, о чем с тобой Гелман говорил?»

Люда: А, теперь понятно.

М.А.: Во время разговора Мюррей Гелман меня спросил: «Как ты думаешь, какое время было самым счастливым в моей жизни?» Я пожал плечами и ответил: «Наверное, когда вы получали Нобелевскую премию.» Мюррей засмеялся: «Нет, когда я учился в High School. У нас был учитель по science (естествознанию). Каждую неделю он водил нас в парк, где мы наблюдали за птицами, животными, собирали гербарии. Но это были не простые уроки, наш учитель учил нас за явлениями природы видеть физику, проявление ее законов. Это было здорово! Наш учитель вообще был уникален, например, месяц мы под его руководством изучали фотографию, в то время это было не простое дело, месяц – электрические машины, но не теоретически, мы ходили на заводы и смотрели, как их собирают. Наш учитель провел нас по всем разделам естествознания и это настолько объединило нас, его учеников, что мы, даже спустя 60 лет, все еще поддерживаем отношения друг с другом.»

Понимаешь, детство – это время, когда все чувства настолько обострены, что все происходящее впечатывается в мозг навсегда, на всю жизнь. Человек на 70 процентов состоит из детства, и то, какое оно у него было: была ли в нем любовь, товарищество, радость, или, наоборот, он часто испытывал унижение, подвергался побоям, определяет будет ли он во взрослой жизни хорошим другом, или в тяжелую минуту отойдет в сторону, есть ли в нем потенциал любви, или она для него есть не

цвет, это цвет глубокий, цвет устоявшейся жизни, матроны, светской львицы. Курочка – желтенькая, ну это обычно. Коза с козлом – это вообще нэпмановская парочка. Коза была одета у нас в светло-зеленое, под цвет молодой травы, платье, а козел был в зеленой жилетке...

М.А.: И еще на девочке, игравшей козу, была зелененькая шапочка с беленькими цветочками, а у козла, он был на голову ниже козы, цилиндр... смотрелись они ужасно смешно, особенно, когда играли в карты. Все как у людей.

Люда: В этом-то и был весь смысл, что дети в зале должны были за именами зверей видеть людей, лицемерное общество, готовое в трудную минуту предать, оставить человека наедине со своей бедой. Понимаешь, я ставила сказку не о плохих зверюшках, а о людях, и дети в зале, даже самые маленькие, поняли, что на сцене люди, а не коза, свинья, кошка, котятка. И еще танцы. Ведь ни в одной постановке «Кошкиного дома» не было танцев, а у нас дети танцуют канкан, степ, чарлстон, рок-н-ролл, танцы нашей молодости, наших вечеринки.

М.А.: Ну ты уж загнула, все же мы не такие старые. Степ, канкан танцевали в двадцатых годах прошлого столетия...

Люда: Ты прав, но степ и канкан мы видели в кино, поэтому они узнаваемы.

М.А.: Честно тебе скажу, спектакль произвел на меня неизгладимое впечатление, прошло уже почти два года, а я до сих пор вижу его перед глазами, при том, что зрительная память у меня не очень хорошая. Люда, расскажи как шла работа с детьми. Я знаю, насколько нелегко заставить детей выучить таблицу умножения, научить их такой простой вещи, как сложение дробей. Каким образом тебе удалось научить детей правильно двигаться, играть, а не просто проговаривать текст, и к тому же в 9-10 лет дети – народ очень непоседливый?

Люда: В «Кошкином доме» с детьми непосредственно работала Светлана Большакова. Я как продюссер объясняла, какой я вижу ту или иную сцену, и Светлана претворяла мое видение в действие на сцене.

М.А.: То есть Светлана Большакова была режиссером спектакля «Кошкин Дом»?

Люда: Да. Я у нее очень многому научилась. Казалось бы вещи простые: актеры должны говорить громко, обращаясь лицом в зал, все артисты должны играть на главного актера в данной сцене... В режиссерском деле много тонкостей, и я очень благодарна Свете за науку. И еще, Миша, почему ставить спектакль с детьми почти всегда, беспроблемное дело. Дети, поскольку они маленькие, очень непосредственные. Ребенок всегда играет так, как он чувствует, его даже учить не надо: показал один раз и он сразу готов играть.

М.А.: Потому что он всегда играет самого себя?

Люда: Искусству перевоплощения учить детей не нужно, мы же детский театр, перевоплощать себя не нужно. Ребенку я объясняю чисто технические детали.

М.А.: Какие например?

Люда: Ну что, например..., что говорить он должен громко, смотреть в зал, двигаться плавно, следить за партнерами. В детях есть врожденная способность к подражанию, на ней и основана актерская игра в детском театре. На детей можно смотреть бесконечно, в них есть та искренность, та непосредственность восприятия, которая с возрастом уходит навсегда. Эта непосредственность всегда и плюс, и минус. Минус, например, состоит в том, что дети отвлекаются и их нужно все время держать под наблюдением. Мы с Фимой почти научились с этим справляться.

М.А.: Все нужно делать вовремя. Если до полового созревания ребенка не научили

правильно себя вести, аналитически думать, осваивать иностранные языки, играть на сцене, то после научить человека чему-либо полезному, кроме как пить, курить и гулять, очень тяжело.

Люда (смеется): Вот поэтому мы с Фимой и начали постановку «Мухи Цокотухи». Это супер задача, дети очень маленькие, только двум девочкам шесть лет, остальные младше – пять и четыре года.

М.А.: Как же вы с Фимой справляетесь, многие с одним не могут справиться, а у вас целая орава, кстати, сколько их?

Люда: Шестнадцать.

М.А.: Шестнадцать?

Люда: Да, шестнадцать. И каждому во время репетиции нужно то в туалет, то попить, то подраться, есть тысяча моментов, требующих вмешательства. Если детей не держать во внимании к себе, они тут же переключаются друг на друга, и тогда начинается возня, дети бузят, дерутся, им, конечно, весело, но тратится время, отведенное на репетицию.

М.А.: Расскажи, как ты все же справляешься с 16 маленькими разбойниками.

Люда: Понимаешь, Миша, у нас же не взрослый театр, а детский, поэтому мы не ставим сказку «Муха Цокотуха», а играем в постановку сказки. Играем мы в постановку не больше 30 минут, потом 30 минут танцевальные занятия, и перекус. И еще, в каждую репетицию нужно вводить что-то новое, какой-то новый элемент. Это может быть танец или элемент декорации, реквизита, костюма. Например, я приношу «золотую» копейку, она, естественно, диаметром полметра. Дети смотрят, им нравится, привыкают к ней. Надо все элементы спектакля вводить осторожно, постепенно, чтобы дети привыкли, нельзя их ставить перед фактом. Помню во время репетиции «Снежной Королевы» я принесла пистолеты и сабли. У детей был такой эмоциональный всплеск, кричали, стреляли друг в друга, две сабли тут же поломали, пока все пистоны не перестреляли я их успокоить не могла. Представляешь, какой был бы ужас, если бы я, как это делается в настоящем театре, принесла оружие на спектакль. А так, за три-четыре месяца «разбойники» привыкли к мысли, что пистолеты, сабли – не игрушки, а элементы реквизита и их надо беречь. И еще один случай, когда я принесла впервые веревку, мальчики, играющие разбойников, так перетянули живот Насте, что она несколько минут приходила в себя. Детский театр – не взрослый, он имеет свою специфику.

М.А.: Главная, наверное, состоит в том, что главному режиссеру надо любить всех актеров, а не отдельных актрис.

Люда (смеется): Это точно!

М.А.: Скажи, у тебя в театре две группы: одна для самых маленьких, четырех-шестилетних детей, другая для детей постарше, 7-10 лет. Есть ли разница между твоим отношением к взрослым детям и малышам?

Люда: Конечно есть. Со взрослыми детьми я обращаюсь более жестко, с них я требую, обращаюсь к их чувству ответственности, но все равно стоит только отвлечься, как начинаются разговоры шушуканья. Казусы тоже бывают. Один мальчик на репетиции, представляешь, 17 раз ущипнул девочку.

М.А.: Я девочек не щипал, за косички не дергал, но мальчика тоже хорошо понимаю. Люда, как ты готовишься к занятиям, ведешь ли ты какие-то записи?

Люда: Обязательно. Я к каждому занятию исписываю по несколько страниц, пишу, что я должна принести, какие костюмы приготовить, как провести занятие, все до мелочей. Я тебе сейчас принесу.

М.А.: Ого, ну ты прямо писатель!

Люда: Иначе нельзя, в голове все удерживать невозможно.

М.А.: Люда, почему ты выбрала для постановки «Снежную Королеву»?

Люда: «Снежная Королева» началась с простой незамысловатой песенки «Дорогой добра». Когда я ее услышала, что-то во мне кликнуло: я увидела девочку, идущую через тысячу преград, чтобы спасти своего друга.

М.А.: Этой песней кончается ваш спектакль.

Люда: Герда сумела все преодолеть, потому что она шла дорогой добра.

М.А.: Скажи, Люда, если идти дальше за сказку, Герда должна выйти замуж за Кая?

Люда: Не обязательно.

М.А.: То есть, Герда спасала Кая не для себя, а для него самого, спасала, потому что никто кроме нее не смог бы это сделать. Секундочку, Люда, то есть Герда, действует по принципу «Сама погибай, а друга выручай».

Люда: Ну, не совсем так, «Срежняя Королева» это все же сказка...

М.А.: Я считаю, что высшее проявление добра человек совершает, когда делает потому что так надо, потому что иначе просто нельзя. Когда Марья идет искать Фениста Ясного Сокола и стаптывает в дороге три пары железных сапог, изламывает три посоха, делает она это для себя, ведь Фенисту Ясному Соколу, как мы помним из сказки, не так уж плохо жилось с новой женой. Часто бывает так, человек вступил на дорогу, казалось бы для себя, для удовлетворения своего честолюбия, идет по ней, идет и оказывается вдруг, что идет он по ней не для себя, не для своего личного счастья, а вот ради таких маленьких актеров, каких я видел в «Кошкином Доме», в «Теремке», в «Снежной Королеве». Ты начала театр ради дочки Насти, внучки Фимы Таси. Ведь если бы не было у тебя их, вернее они были бы уже большими девочками, как твои старшие дети Лиза и Катя, то вряд ли ты бы взвалила на себя театр. Правильно?

Люда: Правильно!

М.А.: Сейчас ты ведешь театр ради театра, ведешь, чтобы видеть радость в глазах чужих детей, видеть как они из несмышленицей становятся людьми. Знаешь какой был девиз редколлегии журнала «Весла»?

Люда: Который, ты выпускал в Остине?

М.А.: Да. «Отстающий всегда умирает в сердце идущего вперед!»

Люда: Жесткий принцип.

М.А.: Да жесткий, но когда человек в последний момент сходит с корабля со словами: «Я не верю в ваш успех» это значит, что он не ставит перед собой сверхзадачи, что его вполне устраивает судьба маленького человечка, потому что жизнь у человека со сверхзадачей очень нелегкая.

Люда: Зато результат большой. Миша, как я понимаю, твой корабль уплыл в Хьюстон?

М.А.: Да, именно так. И, знаешь, от чего у меня сердце щемит, что я как бы перешел на другую ступеньку, а они...

Люда: С которыми ты делал журнал?

М.А.: Да. Остались. Пропала та самая линия жизни, которая нас сильно связывала, это как ушедшая любовь. Человек говорит, ходит, смеется, но это уже не твое...

Люда: Тропинки разошлись.

М.А.: Не совсем так. Если чья-то тропинка отошла от твоей, значит у того, кто пошел по ней, появилась своя, независимая от тебя, но не менее интересная жизнь. Человек, если хочет добиться чего-то в жизни должен уметь две вещи: прилаживать сверхусилия и уметь переживать одиночество.

Люда: Сверхусилия, это понятно, но почему одиночество?

М.А.: Потому что всегда бывают моменты, когда тебя бросают те, кто шел с тобой одной дорогой, либо ты выходишь на такой уровень, что остаешься один.

Люда: Что-то ты, Миша, рисуешь трагическую картину.

М.А.: Люда, пройдет еще год, два и ты сама увидишь, что я прав. Да у тебя будут помощники, много помощников, но ни с кем из них ты не сможешь разделить своего творчества. И не потому, что они будут плохие, нет, просто разделять творчество можно только с равным себе.

Люда: Но ведь ты же понимаешь?

М.А.: Понимаю, потому что я это уже преодолел. Восторги, упоения, связанные с тем, что ты можешь писать, что твои произведения

нравятся, прошли. Есть чувство ответственности в первую очередь перед Б-гом, перед талантом, которым он тебя наградил. Понимаешь, оставить журнал, бросить писать, значит предать себя. Ты же не можешь взять и бросить театр от того, что устала, что люди вокруг говорят всякие глупости, не можешь предать себя, свой талант.

Люда: Миша, какой талант? О чем ты говоришь?

М.А.: Я не боюсь слова талант, я считаю, что в каждом человеке есть талант, во мне в тебе, в Фиме, в Насте... надо просто помочь человеку найти в себе его, помочь ему поверить в себя, в свои возможности. Я тебя, Люда, давно знаю, уже несколько лет, ты сильно изменилась. С того времени как начала свой театр у тебя появилась жизнь, связанная не только с семьей, ты разбежалась и... выпрыгнула из себя... из человека приземленного, озбоченного только детьми, мужем, стала человеком-событием в жизни Хьюстона. Обычно в таких случаях говорят: «Я рад за тебя». Я говорю: «Welcome a board – добро пожаловать на наш корабль». Чтобы уже закончить с одиночеством, расскажу тебе такую историю. Несколько лет назад я был на обеде с одним очень знаменитым ребаем. Как и принято в ортодоксальных синагогах, после лекции был обильный ланч. И вот этот худощавый старик, с очень ясными глазами, длинной бордой и носом крючком,

Люда: Дамблдор!

М.А.: Да, Дамблдор, только у ребая глаза черные, а у Дамблдора синие, остается один. К нему никто не подходит, все стесняются подойти к великому человеку. Я по своей наглости подошел и спросил: «Мир так устроен, что чем выше человек поднимается в гору, тем меньше остается людей, его уровня, и когда он забирается на самую верхушку, он остается совсем один. Как вы переносите свое одиночество?» И знаешь, что он мне ответил?...

Люда: Что, Миша?

М.А.: Он сказал: «Да, вы правы, путь вверх – это всегда дорога к одиночеству. Но мое одиночество особого рода, оно одиночество интеллектуальное. Как человек социальный я не испытываю одиночества, потому что для меня главным удовольствием являются разговоры с простыми людьми. Они плохо знают Тору, им неведомы тонкости галахических споров, но они знают жизнь и часто, не замечая сами, дают мне мысли, которые ни одному, даже самому образованному ребаю-ученому, включая меня, в голову не придут. Общение с простыми людьми дает мне ощущение полноты жизни, дарит мне радость молодости, я совсем не ощущаю себя старым

всеми покинутым стариком.» И знаешь, Люда, он ответил абсолютно так же, как ответил на этот вопрос Альберт Эйнштейн. Он сказал, что он терпеть не может разговоры с учеными-физиками, что больше всего ему нравится разговаривать с простыми людьми: с инженерами, банковскими служащими, женщинами, потому, что они разбираются в своих профессиях, в своей жизни, лучше, чем он. Теперь ты понимаешь, почему я не говорю: «Рад за тебя», а говорю «Welcome aboard».

Люда: Спасибо тебе, Миша за добрые слова, но ты преувеличиваешь, я просто мама четырех уже почти взрослых детей... ну, еще в детский театр играю.

М.А.: Как хочешь, Люда, так и считай... Я заметил, что ты на меня обижаешься, что я все время говорю про «Кошкин Дом», говорю, хотя совсем недавно, со сцены сошла «Снежная Королева». Понимаешь, «Снежная Королева» безусловно талантливая постановка, мне очень понравилась, но «Кошкин Дом», был моим первым детским спектаклем во взрослой жизни, последний раз я ходил в детский театр в возрасте 8-10 лет. Жаль, что у тебя детский Театр, а то я бы сам пришел в нем играть.

Люда: Миша, мы начали ставить мюзикл по сказке Шварца «Сказка о потерянном времени». Я для тебя уже роль присмотрела, она правда небольшая – Часовщик, но ты будешь первым актером, которого зритель увидит на сцене.

М.А.: Люда, последний вопрос: у тебя четверо детей. Старшей, Лизе, 23 года, Насте, младшей – 10. Скажи какой совет ты бы дала родителям, у которых маленькие дети.

Люда: Не бойтесь своих детей. Детей нельзя бояться. Если вы четко знаете, что правы, надо своего добиваться. Дети очень хорошие психологи, и если они замечают слабость, то начинают на ней играть. Детский эгоизм очень сильный, детей нельзя бояться. И еще, любите детей, не жалейте времени на них, будьте им не только родителями, но и друзьями.

М.А.: Один мудрый ребеб сказал, что человеку при рождении Б-г предписывает судьбу, не в том смысле быть ему честным человеком или подлецом, это выбор самого человека, а быть ему бедным или богатым, быть ему дворником или юристом, начальником или вахтером. Но если человек очень, очень захочет, он может изменить свою судьбу, свое предназначение. И тогда Б-г говорит ему: «Ну если тебе так уж очень хочется, что ж, будет по твоему, но тогда уж стой и не отрекайся.» В книге «Тания» сказано: «Думай о себе как о среднем, но не будь им!». Ты просто еще не понимаешь, Люда, кем ты являешься для своих детей, для Фимы, для меня, ты не просто мама, жена, друг, ты пример того, чего может добиться человек... так не перебивай. Твоя жизнь превратилась в судьбу. А это большое дело. Понимаешь, твоя жизнь приобрела свои собственные интересы, которые далеко не совпадают с интересами твоими собственными. Понимаешь о чем я говорю?

Люда: Понимаю, это как стать мамой, вроде и погулять хочется, и в театр сходить, а нельзя...

М.А.: Ты сказала очень правильно «Не бойтесь своих детей. Детей нельзя бояться.» Люда, никого не бойся, будь смелой. Люди странные существа: они могут говорить гадости о тебе, о твоём театре из зависти, от непонимания, глупости. Не отчаивайся. Когда мы в Остине начали делать литературный журнал, кто-то из «наших друзей» распустил слух, что я с редколлегией отмываю деньги российских богачей. Люда, если ты считаешь, что права, не отступай, стой на своем, иди вперед.

Люда: Конечно, Миша, бывают разные случаи, кто-то из мам недоволен этим, кто-то тем. Но в целом родители меня очень поддерживают. Пользуясь возможностью, я хочу поблагодарить всех родителей, всех друзей театра «Радость» за любовь, за поддержку, без них наш театр не мог бы существовать. Спасибо тебе, Миша, за поддержку, за теплые слова в мой адрес.

М.А.: Ну что, Люда, до встречи в театре, на репетиции?

Люда: Да, до встречи, я тебе позвоню.